

Живопись прежде всего исповедь.

Из письма Винсента Ван Гога
брату Тео

Ван Гог не только знаменитый художник, но и одна из первых поп-икон XX века. У него миллионы поклонников. Американцы восхищаются им не меньше голландцев, а японцы просто сходят с ума, возможно даже не догадываясь, что их кумир сам был влюблён в их искусство. В восьмидесятых годах некий японский богач купил вангоговские «Ирисы» за девяносто семь с половиной миллионов долларов, установив мировой рекорд: в XX веке за произведение искусства таких денег прежде никогда не платили.

Как же всё-таки причудливо устроен мир: самой дорогой картиной становится полотно всю жизнь бедствовавшего Ван Гога. Не Сезанна, не Матисса и даже не Пикассо, а страдальца Винсента. Большинство художников еле-еле сводят концы с концами, пока не добиваются признания, но лишения, на которые обрёл себя Ван Гог, меркнут перед любыми испытаниями. Не только вечное самоограничение, но и вечные угрызения совести: сначала жить приходилось на содержании отца, а потом младшего брата, его доброго ангела. Тео Ван Гог делал карьеру арт-дилера (от которой в своё время отказался Винсент) и мог поддерживать брата, тратившего франки не столько на еду и кров, сколько на холсты и краски, которых у него уходили метры и килограммы. У бедняка Винсента была единственная возможность отплатить брату за доброту — без усталости писать картины, надеясь, что когда-нибудь они начнут продаваться. «Хочу верить, что с каждым днём мои этюды всё больше будут радовать тебя», — пишет он Тео, предлагая подписывать картины сразу двумя именами; он полагает, что присылаемые братом деньги дают тому полное право считать себя его соавтором.

Хотя Виснет и делал подобные предложения, картины всегда подписывал только своим именем — *Vincent*. Именно именем, а не фамилией *Van Gogh*, считая, что тем самым нанесёт оскорбление родным, числившим его полным неудачником. С отцом, сёстрами и богатыми дядюшками отношения скла-

дывались непросто. Всю жизнь Ван Гог пытался, как выразился один из его биографов, «искупить непутёвое прошлое». «Я не хочу быть сыном, которого стыдятся», — повторял он словно заклинание. Однако родители его не понимали, женщины — отвергали. «Видно, этот человек совсем не умеет наслаждаться жизнью», — говорили о нём друзья, каковых, по большому счёту, у него и не было.

Мрачная и трагическая фигура Ван Гога многие десятилетия остаётся захватывающей темой не только для писателей и режиссёров (знаменитый роман «Жажда жизни» американца Ирвинга Стоуна, например, лёг в основу одноимённого фильма, в котором сходящего с ума художника блистательно сыграл Кёрк Дуглас), но для психологов и психиатров. Если искусствоведы пытаются разобраться в манере мазка, то доктора пробуют поставить живописцу медицинский диагноз. Автор новой биографии Ван Гога не только литератор, но и философ, поэтому душевное нездоровье героя занимает его не меньше формальных особенностей живописи родоначальника постимпрессионизма.

Факторов, отягощающих анамнез, оказывается множество: это и эпилепсия, передававшаяся по материнской линии, и сифилис (совместная жизнь с падшей женщиной, с которой Винсент пытался строить семью, не прошла даром), и многолетнее сидение на хлебе и воде в буквальном смысле слова. Давид Азио старается отыскать истоки душевной травмы Ван Гога. По мнению писателя, его герой начинает страдать с той самой минуты, как его увозят из родительского дома, точнее, когда от ворот пансиона отъезжает жёлтый дилижанс с отцом и матерью и юный Винсент впервые остаётся один. От этого чувства одиночества он не избавится никогда: у него не будет ни семьи, ни своего угла; он будет переезжать из страны в страну, кочуя из Голландии в Англию, а оттуда во Францию, спасаясь бегством после каждого очередного поражения.

Биография у Ван Гога коротка и необычна. Родился в семье протестантского пастора, учился на богослова, читал проповеди шахтёрам в горняцком Боринаже, но был уволен за «недостаток здравого смысла». Там же, в голландской глубинке, пережил страшное потрясение, спустившись в шахту. Отныне он постоянно будет испытывать ужас, даже не спускаясь с грешной земли в преисподнюю, каковой ему показалась шахта. Неудачная попытка стать миссионером заканчивается тем, что он вообще перестаёт посещать церковь, порывает с семьёй и решает вложить любовь к Богу в своё искусство. Винсент Ван Гог становится художником. На его рисунках и полотнах появляются углекопы, ткачи, сеятели. Он трудится в поте лица — так

же, как герои его картин. «Ты скоро убедишься, что я тоже труженик», — пишет Винсент брату Тео.

Винсент начал рисовать только в двадцать семь, всерьёз взялся за живопись в двадцать девять, а в студии Кормона в Париже появился и вовсе в тридцать три. Жить ему остаётся всего пять лет, и он торопится «овладеть приемами». «Я предпочёл бы служить в гостинице, чем штамповать акварели», — запальчиво заявляет Винсент, когда богатые родственники предлагают писать то, что неплохо продаётся. С мрачным упорством Ван Гог ищет собственный язык — всё остальное с этих пор перестаёт его интересовать. «Создавая картины, я стараюсь жить, ни о чём другом не задумываясь», — признаётся он.

Винсент работает невероятно быстро. Почти ничего не ест, только пьёт кофе, а по вечерам абстинет, чтобы взбодрить себя и «добиться высокой ноты», как сам говорит. Он работает по 12 часов без перерыва («Я качу на всех парах, словно живописующий паровоз»), а потом 12 часов спит как убитый. В тридцать лет он пророчески напишет брату: «Что касается времени, которое осталось мне для работы, я полагаю, что мое тело выдержит ещё сколько-то лет, скажем от шести до десяти... Я не намерен шадить себя, избегать волнений и трудностей, мне довольно безразлично, сколько я проживу... Одно только я знаю твёрдо: я должен за несколько лет выполнить определённую работу. Я нужен миру лишь постольку, поскольку я должен рассчитаться со своим долгом и выполнить свою задачу... Благодарность за это я оставлю о себе память — в виде рисунков или картин, которые могут не понравиться отдельным группам или школам, но зато полных искреннего человеческого чувства».

И он оставляет о себе память — сотни рисунков и холстов. Он пишет с каким-то ожесточением, накладывая краски без предварительного рисунка, бросая их на полотно с таким остервенением, что сотрясается мольберт. Две самые любимые его краски — синяя и жёлтая: добро и зло, солнечный свет и ночной сумрак. Одним взмахом кисти он заставляет кусты дышать, морские волны двигаться, раскалённое солнце сиять. Техника письма перестаёт быть техникой в узком смысле этого термина, писал Яков Тугендхолд, она «становится чем-то гораздо более высшим — средством общения между самой душой художника и нами, зрителями». «Я никогда не видел такого лающего колорита! — воскликнет Осип Мандельштам, глядя на «Ночное кафе», написанное в Арле. — Ван Гог харкает кровью, как самоубийца из меблированных комнат. Доски пола в ночном кафе наклонены и струятся, как жёлоб, в электрическом бешенстве. И узкое корыто бильярда напоминает колоду гроба». Трагическая картина с трагической судьбой: поразившее

Мандельштама в Музее нового западного искусства полотно в начале 1930-х было продано и навсегда исчезло из России.

«Ночное кафе», как и «Красные виноградники», купленные Иваном Морозовым, и «Арлезианки» и «Арена в Арле», купленные Сергеем Шукиным, были написаны на юге, в Арле, где обрёл прозрачный покой вконец измученный неудачами Винсент. Почти две сотни картин были написаны им в Голландии, ещё столько же за два года в Париже и столько же за несколько месяцев в Арле. Выросшего на севере голландца потрясают природа и краски Прованса. «Небесный свод во всю его ширину изумительного синего цвета, солнце излучает зеленовато-жёлтый свет — нежное мягкое сочетание, точно небесно-голубые и жёлтые тона на полотнах Вермеера Делфтского. Я не могу передать всю эту красоту, но она захватывает меня настолько, что я отдаюсь работе, не думая ни о каких правилах... — пишет Винсент брату. — Я чувствую, что стал совсем другим, с тех пор как приехал сюда; я не испытываю сомнений, без страха приступаю к картине... Во мне ещё есть нерастраченная сила, которая только и ждёт, чтобы приложить себя к работе».

«Творить, творить, — *vite*, скоро, скоро, скоро и поспешно, как жнец, который работает молча и сосредоточенно под пылающим солнцем, чтобы успеть сжать своё поле...» Винсент «трепещет и откликается на всё, что видит вокруг. Он убеждён в том, что новая живописная школа родится здесь, на юге: «Художник будущего будет таким колористом, какого ещё никогда не видели». Он заывает в Арль Гогена, перед которым преклоняется «до самоуничтожения» (Азио считает, что Винсент проецирует свои сложные отношения с покойным отцом, перед которым чувствует постоянную вину, на Гогена). Гоген его кумир, а если Ван Гог кого-то обожает, то не знает границ в своём поклонении. Ему удаётся уговорить брата выплачивать содержание не только ему самому, но и Гогену, на которого, уверен Винсент, следует «поставить». Теперь Тео будет получать всё, что напишет Винсент, и вдобавок Гоген станет ежемесячно отправлять ему по картине. Гоген страшно заинтересован в благожелательности Тео Ван Гога, но побаивается его неуравновешенного брата и до последней минуты сопротивляется и постоянно откладывает приезд. Понимая, что Тео его единственный шанс («Как бы ни любил меня Ван Гог [Тео], он не станет оплачивать моё пребывание на юге ради моих прекрасных глаз», — пишет Поль приятелю), нуждающийся в деньгах Гоген уступает натиску Винсента и приезжает в Арль. Но мечтам Ван Гога о Южной мастерской, где художники будут работать сообща, как в старину, не суждено сбыться. Палящее солнце Прованса и работающий рядом Гоген, видящий всё иначе, чем

Винсент, сводят нашего героя с ума. Опять-таки в буквальном смысле.

Именно в Арле Винсент Ван Гог совершает один из самых странных и диких поступков: в припадке бешенства бросается на Гогена с бритвой, а потом, от ярости, что жертва ускользнула, той же бритвой отрезает себе ухо (искажённое болью лицо он потом изобразит в «Автопортрете с перевязанным ухом»). Теперь больше никто не сомневается в том, что художник сумасшедший (Сезанн, кстати, впервые увидев картины Ван Гога, именно так отозвался о своём коллеге), и Винсент оказывается в больнице для душевнобольных.

Подробности пребывания в доме скорби в Сен-Реми, равно как и всей предшествующей жизни Ван Гога, нам известны по письмам художника, которых им было написано тысячи. С трудом справляясь с раздиравшими его чувствами, он непрерывно писал письма, поверяя свои переживания бумаге. Он писал обо всём, но главное — о первостепенной роли цвета и необходимости подчиняться только чувству. «Почитай письма Ван Гога... и ты увидишь, что это за человек был, — советовал в 1906 году Александру Бенуа другой художник, Игорь Грабарь. — Посмотри, что он писал красками, как понимал тон, как влюблён был в краски, как дни и ночи только и думал об одном свете, о своей этой вечной влюблённости». И как бы вскользь добавляет: «Между прочим, я видел у него рисунки, поразительно похожие на Врубеля». Винсент Ван Гог и Михаил Врубель оба страдали тяжёлым психическим расстройством, и родные вынуждены были поместить их в больницу для умалишённых (по совпадению, на тему болезни обоих психиатрами написаны серьёзные медицинские исследования).

Символом этих страшных дней стала «Прогулка заключённых», купленная Сергеем Щукиным вместе с умиротворяющим «Пейзажем в Овере после дождя», глядя на который кажется, что трагедии может и не случиться. Но она случается. Что было тому виной — неизлечимая болезнь или, как выразился Пётр Перцов, «творческая опустошённость души, созданная слишком быстрым самообнаружением», сказать сложно. Скорее и то и другое. Достаточно было брату намекнуть Винсенту, что дела его не так хороши, как хотелось бы, да и просто пожаловаться близкой душе, как тот принял всё на свой счёт. Многолетние угрызения совести от сознания, что он вечная обуза для брата, окончательно лишают несчастного рассудка, и он кончает с собой.

Дальше начинается следующий виток драмы семейства Ван Гогов. Тео, склонный, как и брат, к депрессиям, к тому же человек сильно нездоровый, возлагает всю вину за смерть брата

на себя и тоже теряет рассудок. Спустя полгода он умирает, оставив жену с младенцем, наречённым в честь дяди — Винсентом. Йоханне Ван Гог в книге посвящено всего несколько строк, но именно благодаря подвижничеству этой женщины, уверенной, что брат её покойного мужа великий художник и что не только картины, но и его письма должны принадлежать человечеству, она начинает разбирать оставшуюся после него переписку. Её работа похожа на настоящее подвижничество: год за годом разбирать выгоревшие листки и расшифровывать нервно бегущий почерк своего деверя, писавшего на дикой смеси голландского, английского и французского. Первый том писем Ван Гога к брату вышел в 1911 году. Вскоре письма Винсента появляются на немецком, английском, французском и других европейских языках, а к столетию со дня рождения Ван Гога в Голландии выходит полное издание писем в четырёх томах (с приложением сохранившихся писем Тео).

Без этих писем Винсент Ван Гог не приобрел бы столь широкой и громкой славы. Прежде чем написать такие письма, какие написал он, нужно было прожить такую жизнь, какую он прожил. Узнавая биографию художника, совершенно иначе начинаешь относиться к оставленному им наследию, почти половина которого оказалась в Голландии, где в 1971 году в Амстердаме, в специально построенном для него здании, был открыт Музей Ван Гога.

Винсент, сумевший при жизни продать всего лишь одну единственную картину — висящие ныне в ГМИИ имени А. С. Пушкина «Красные виноградники», стал не просто знаменит. Он превратился в символ преданности искусству. Несмотря на то, что рождение каждой картины описано и засвидетельствовано в его переписке, Ван Гога пытаются подделывать. Можно раздобыть старый холст и краски, можно сымитировать пастозные, динамичные мазки, но не состояние души. Той творческой горячки, в которой постоянно пребывал Винсент Ван Гог, торопившийся выплеснуть на холст свои переживания. «В жизни, да и в живописи я могу обойтись без бога, но я, как человек, который страдает, не могу обойтись без чего-то большего, чем я, без того, что составляет мою жизнь, — возможности творить».

Наталья Семёнова

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Винсент Ван Гог, несомненно, наиболее известный и самый популярный в мире живописец позапрошлого столетия. Это утверждение, которое можно подкрепить бесчисленным множеством разнообразных свидетельств, звучит тем не менее довольно странно, поскольку словосочетание «позапрошлый век» не согласуется с общепринятыми представлениями о творчестве и личности этого художника. Больше того, вот уже более ста лет, в продолжение которых мир пережил несколько исторических эпох, а искусство — множество сменявших одно другое течений и стилей, — именно Ван Гог остаётся самым ярким воплощением современности, актуальности истинно высокого искусства, его востребованности здесь и сейчас. В этом смысле он гораздо современнее любого авангарда, постпостмодернизма и любого другого «изма», даже если тот (как, например, экспрессионизм) унаследовал что-либо из его же художественного опыта. Мировое признание Ван Гога столь широко и устойчиво, что в массовом сознании он стал привычным символом самого искусства живописи, каковым в античную эпоху считался полубог-герой Аполлон, а в Новое время — Рафаэль. Его имя стало одним из самых известных фирменных знаков Нидерландов, куда миллионы туристов едут не в последнюю очередь ради того, чтобы полюбоваться оригиналами картин двух крупнейших в мире собраний произведений мастера — в Амстердаме и Оттерло. Увидевшие свет после смерти Ван Гога и донныне продолжающиеся множиться научные труды, монографии, эссе, романы, кинофильмы, телепрограммы, программы на электронных носителях, материалы сетевых ресурсов о нём как художнике и личности не поддаются исчислению. В искусствознании сложилась отдельная дисциплина, которую можно назвать ванговедением, по аналогии, например, с пушкиноведением или шекспироведением. Художнику было суждено стать одной из центральных, «культовых», как принято теперь говорить, фигур в современной системе массовых коммуника-

ций. В таком качестве он закономерно сделался предметом массового мифотворчества, чрезвычайно благоприятной почвой для которого оказалась сама его жизнь, похожая на остросюжетный роман, накалом страстей, многообразием персонажей, крутыми поворотами судьбы главного героя напоминающий произведения таких современников Винсента, как Бальзак, Золя, любимый художником Гюго и Александр Дюма-старший.

Как одно из следствий распространения мифа о Ван Гоге во множестве его вариаций, одно перечисление которых заняло бы не одну страницу, у ценителей его искусства всегда была и продолжает сохраняться потребность в новом слове о нём. Речь идёт не столько об отыскании каких-либо прежде неизвестных сведений о его жизни, сколько о свежем, непредвзятом, свободном от привычных мифологем взгляде на эту исполтинскую фигуру. К числу сочинений, которые отвечают такой потребности, можно отнести предлагаемую вниманию русского читателя новую биографию Ван Гога.

Философ по образованию, французский писатель Давид Азио писал книгу не с «чистого листа». Он, как и большинство авторов, обращавшихся к этому предмету, знал и принимал во внимание всё наиболее существенное из того, что было написано легионом предшественников. Но он не выбрал какую-то из известных концепций или точек зрения, а построил всё повествование и большинство своих суждений на сведениях из самого ценного и, в чём мы не раз убедимся, самого достоверного источника — на свидетельствах, исходящих от самого Винсента Ван Гога и сохранившихся в его обширной переписке, главным образом с братом Тео. Как справедливо замечает автор, эта переписка может быть признана уникальным явлением европейской культуры, поскольку в ней последовательно и подробно зафиксированы все события жизни художника с отроческих лет и до последних дней (с двумя перерывами: девятимесячным — после серьёзной размолвки между братьями и двухлетним — когда Винсент жил у Тео в Париже и нужды в переписке не было); с несравненной искренностью и прямоотой (хотя подчас и с долей наивного лукавства) высказано всё, что было у него на душе; почти с протокольной точностью описаны все творческие планы, замыслы и то, как они исполнялись, — вплоть до подробного указания оттенков цветов на том или ином участке задуманной или уже исполненной картины. Это не просто самые надёжные документальные свидетельства о жизни и искусстве художника, но и превосходные образцы эпистолярной прозы XIX века на нидерландском, английском и французском языках. Автор убеждён, что если бы Ван Гог не посвятил себя живописи, он мог бы стать замечательным пи-

сателем. Помимо этого основного источника автором использовано большинство известных к настоящему времени свидетельств современников Ван Гога или людей, близко знавших этих свидетелей. Исходя, прежде всего, из достоверно установленных фактов, Азио в своём повествовании далёк от их сухого перечисления. Книга написана с большим чувством, которое увлекает равнодушного читателя, и тот вслед за автором, следя за перипетиями этой необыкновенной, во многом трагической судьбы, видит в герое не только гениального живописца, но и человека беспредельной воли и редкостного темперамента, которому сочувствует как близкому человеку.

Азио, при всей несомненной симпатии к своему герою и любви к его творениям, далёк от его идеализации. Он не опускает и не затушёвывает ни одно из тех индивидуальных свойств натуры Винсента, из-за которых он был человеком крайне трудным в общении, подчас неприятным и непонятым для окружающих, которые нередко принимали его за ненормального или блаженного. И поводом к такому отношению и подобным суждениям становились, как правило, его порывы и устремления, самые чистые и бескорыстные, по-детски простодушные, но выходившие за принятые в его время рамки буржуазных правил приличия. Не случайно Винсент встречал понимание и симпатию скорее у людей простых и непритязательных, далёких от «порядочного общества», тогда как даже среди своих собратьев по искусству казался «белой вороной». Последнее сыграло в его жизни зловещую роль, когда судьбе было угодно близко свести его с другой незаурядной творческой натурой — Полем Гогеном.

Суть коллизии Ван Гог — Гоген, подготовившей заключительный акт творческой и жизненной драмы Винсента, по верному суждению автора книги, есть «поистине одна из самых щекотливых, самых острых и наиболее запутанных проблем в истории живописи». Тщательно проследив всю историю взаимоотношений двух художников, Азио, в отличие от множества своих предшественников, принимавших сторону одного или другого, отказался, при всей его симпатии к Винсенту и далеко не лестной характеристике некоторых нравственных качеств Гогена, определять в этом столкновении правого и виноватого, по существу признав событие несчастным случаем, чем-то вроде непредумышленного нанесения физического и психического вреда. Он нашёл этому происшествию очень близкую аналогию в сюжете басни Лафонтена «Котёл и Горшок».

Столь же сдержан автор и в суждениях о психическом здоровье — или нездоровье — Винсента, то есть в вопросе, который очень многих потребителей мифов о Ван Гоге занимает

больше, чем всё созданное мастером, а для многих других служит критерием оценки его творчества. Автор, избегая однозначного ответа на этот вопрос, предпочёл положиться на диагнозы тех врачей, которые наблюдали и пользовали Ван Гога, а также на гипотезы современных психиатров. Это дало ему основание сделать следующий осторожный и достаточно убедительный вывод: «У Винсента, как, впрочем, и у каждого из нас, была явная склонность к неврозам, но он долго жил под таким психологическим давлением, испытывал такие физические лишения, что не выдерживал, срывался, впадал в кризисы, по видимому, напоминающие психоз».

Не решился автор и назвать какую-то одну причину самоубийства художника, притом что его гипотеза представляется вполне обоснованной: «У Винсента не было и малейших признаков кризиса ни до рокового выстрела, ни после него. Может быть, его подтолкнул к этому страх перед вероятностью нового срыва и последующей госпитализации? Или то был хладнокровный и дальновидный поступок, какой способен совершить родитель во благо ребёнка? Ответ на этот вопрос Винсент унёс с собой в могилу».

Стремление автора к максимальной достоверности, вероятно, определило и выбранную им манеру изложения. Стиль книги простой и строгий, без каких бы то ни было претензий на яркую индивидуальность. При этом текст чрезвычайно насыщен не только информацией, прямо относящейся к излагаемым событиям, но и разнообразными литературными, фило-софскими, историко-культурными ссылками и ассоциациями, свидетельствующими о широкой эрудиции автора. Ни разу он не воспользовался приёмом беллетризации, сочинением «от себя» сцен и диалогов. Когда ему нужна прямая речь действующих лиц, он ничего не придумывает, а даёт слово им самим, цитируя письма или другие подлинные тексты. В тех случаях, когда автор говорит о возможных мотивах каких-либо поступков персонажей, он старается представить известные или наиболее вероятные их толкования, позволяя читателю сделать свои выводы. Это, например, относится к вопросу о причинах конфликтов Винсента с отцом и другими членами клана Ван Гогов или о его разрыве с церковью и переходе на откровенно антиклерикальные позиции. Собственные суждения Азио, как правило, сопровождается убедительной аргументацией.

Впрочем, не во всём с ним можно безоговорочно согласиться. Например, его убеждение в том, что некоторые из последних пейзажей Ван Гога можно считать ранним предвестием абстрактного экспрессионизма, противоречит неоднократно отмеченной самим же автором глубокой вере мастера в природу как

в главный источник художественного творчества и его твёрдой приверженности принципу жизнеподобия — словом, тому, что позднее стали называть реализмом. Этому императиву Ван Гог следовал до конца, в сущности, не отказываясь от него даже в те моменты, когда под влиянием Гогена пытался писать картины не с натуры, а «из головы». Из современников Винсента, пожалуй, только Сезанна можно считать ранним предтечей абстракционизма. Ван Гог же такой путь самовыражения, пусть даже понимаемый как способ постижения мира, был органически чужд.

Не может не вызвать скептического отношения включённая в текст книги в связи с вопросом о природе жанра автопортрета в европейской живописи неумеренная и несколько наивная апология западного гуманизма, создавшего цивилизацию, которая, в отличие от всех других, якобы «нашла ключ к бессмертию».

Читателю могут показаться спорными и отдельные художественные предпочтения автора, которые иной раз определяются не столько действительными живописными достоинствами произведения, сколько прочитываемой в нём символикой. Так, Азио особо выделяет в качестве этапного творения вполне заурядный в раннем творчестве Ван Гога «Натюрморт с Библией» главным образом потому, что в нём зашифрован некий экзистенциальный спор художника с покойным отцом. Впрочем, упрекнуть в этом автора никто не вправе, так как он написал биографию художника, а не искусствоведческий труд. К тому же никакое суждение о произведении искусства в принципе не может быть бесспорным и окончательным.

Вероятно, многие из тех, кто внимательно прочитает книгу Азио, зададутся вопросом: узнал бы мир живописца Винсента Ван Гога, не будь у него брата Тео? И наверняка большинство ответит на него отрицательно. В книге показано, что Тео был не просто *alter ego* своего старшего брата, которому тот поверял самое сокровенное, благодаря чему мы знаем о Ван Гоге больше, чем о каком-либо другом европейском художнике (за исключением разве что Бенвенуто Челлини, который с необыкновенной откровенностью написал всё о себе сам). Без постоянной материальной поддержки Тео у Винсента решительно не было никаких перспектив остаться живописцем, во всяком случае, стать тем, какого мы знаем. Скажем, у него была возможность успешно продавать симпатичные камерные пейзажи, исполненные акварелью, но, воспользуясь он ею, как ему советовали знающие в этом толк люди, кто бы теперь о нём слышал за пределами антикварного рынка в Нидерландах? И он предпочёл остаться на иждивении младшего брата, благодаря

чему сохранил свободу воли и одарил мир своими волшебными творениями. А Тео, который хотя и имел некоторые средства, но вовсе не был богачом, почти безропотно соглашался содержать брата, даже не рассчитывая на скорый коммерческий успех его живописи. Будучи моложе Винсента на четыре года, он ушёл из жизни через полгода после его гибели. Его свели в могилу тяжёлые болезни, когда жизнь утратила для него всякий смысл. По сути, книга Азио — это захватывающий и правдивый роман в письмах о беспримерной, в прямом смысле слова до гробовой доски, взаимной преданности двух братьев — явлении, подобного которому мы не находим ни в истории искусства, ни вообще в истории, ни даже в мифологии. Роман этот не может раскрыть нам тайну мощного обаяния картин и рисунков Винсента Ван Гога. Он не объяснит, чем так завораживают его высохшие бурые подсолнухи в жёлтом кувшине на фоне жёлтой стены, его феерические картины звёздной ночи, его автопортреты и лица и фигуры написанных им крестьян, ткачей, служащих, врачей, военных, молодых девушек, почтенных дам, стариков, подростков и грудных детей... Но он позволяет нам лучше понять, каким человеком был художник, создавший всё это в течение одного десятилетия.

*Владислав Зайцев
Москва, 2011*

НЕМОЙ УКОР МОГИЛЫ?

Винсент Виллем Ван Гог попал в затруднительное положение уже в момент рождения. Он появился на свет 30 марта 1853 года, ровно через год, день в день, после родившегося мёртвым брата, который тоже был наречён Винсентом Виллемом.

Могила первого Винсента находилась в нескольких шагах от церкви небольшого, в сотню жителей, южноголландского селения Грот Зюндерт, где его отец служил пастором. Научившись читать, малыш Винсент мог увидеть на надгробии своё имя, словно это была его собственная могила. Он был обречён вечно заменять покойного младенца.

Психологи и психиатры считают, что такая ситуация порождает у ребёнка чувство вины по отношению к умершему, так как ему начинает казаться, что его рождение и сам он стали причиной этой смерти. Чтобы оправдать своё существование, такой ребёнок вынужден бесконечно самоутверждаться, совершать разнообразные поступки или же, если на это нет сил, удовлетвориться положением ничтожества и уйти из жизни. Да и кем был этот покойник, что носил его имя? Соперничать с братом или сестрой уже очень трудно, но какowo — с мёртвым незнакомцем, которого можно представить себе кем угодно, чем-то вроде кладезя всевозможных достоинств! Что надо совершить, чтобы заслужить право на жизнь? Собственное существование могло показаться Винсенту Ван Гогу выплатой некоего долга.

Полстолетия спустя в похожей ситуации оказался другой великий живописец. У Сальвадора Дали тоже был брат, любимец родителей, он тоже рано умер и тоже носил имя Сальвадор. Художник мог бы из-за этого впасть в нелепое самоотречение человека, который смирился с тем, что ему вечно суждено терпеть неудачи и каждый раз начинать всё заново.

Впрочем, некоторые доводы могут поколебать эти соображения.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВИНСЕНТА ВАН ГОГА

- 1853, 30 марта — Грот Зюндерт, Нидерланды. Родился Винсент Виллем Ван Гог. Отец — пастор, мать — дочь переплётчика.
- 1857, 1 мая — родился брат Винсента Теодорус, или Тео, как его звали близкие.
- 1864, 1 октября — 1868, март — Винсент обучался в интернате.
- 1869, 30 июля — поступает на службу продавцом в гаагское отделение парижской художественной галереи компании Гупиль.
- 1873, январь — работает продавцом фирмы Гупиль в Брюсселе.
Май — фирма Гупиль посылает Винсента на работу в лондонское отделение. Брат Тео заменяет его в Гааге.
- 1873—1875 — знакомство с Эжени Луайе. Первая несчастная любовь. Депрессия. Увлечение Библией. Пребывание в Париже и Лондоне, посещение музеев и галерей, увлечение живописью голландских мастеров XVII века.
- 1876, март — Винсент уволен из фирмы Гупиль.
Апрель — работает учителем в Рамсгейте (графство Кент, Великобритания) за еду и жильё.
Июнь — служит проповедником в Айлуорте близ Лондона.
4 ноября — первая проповедь. Успех.
Декабрь — встреча с матерью Эжени. Винсент впадает в состояние религиозного бреда.
- 1877 — Дордрехт: три месяца работы в библиотеке. Неудача.
Май — готовится в Амстердаме к вступительному конкурсу на теологический факультет; посещает музеи и рисует.
- 1878, июль — неудача; отец записывает Винсента в школу проповедников в Лэкене недалеко от Брюсселя.
Октябрь — Винсента исключают из школы за нарушение дисциплины.
Ноябрь — служит проповедником в Боринаже, Бельгия. Живёт в крайней нищете, но старается помогать семьям шахтёров.
- 1879, апрель — спускается в шахту и переживает психологический шок; отказывается от религиозного служения и решает стать художником; начинает рисовать, чтобы зафиксировать увиденное.
Июль — отрешён от должности проповедника. Год нищеты. Запутанные отношения с Тео.
- 1880, июль — начало финансовой поддержки со стороны Тео.
Август — сентябрь — работает над этюдами, изображающими жизнь шахтёров, копирует работы Милле.
Октябрь — поселяется в Брюсселе, учится в Академии живописи, рисует пейзажи.
- 1881, апрель — приезжает к родителям в Эттен.
Лето — отчаянная и безответная любовь к кузине Кейт Вос-Стрикер.
Декабрь — ссора с отцом.
- 1882 — переезжает в Гаагу. Уроки живописи у Мауве. Ссора с ним и с директором гаагского отделения галереи Гупиль. Пробует различные живописные техники, пишет преимущественно пейзажи.
Январь — встреча с Син — беременной проституткой с малолетним ребёнком. Живёт с ней в течение пятнадцати месяцев, хочет на ней жениться. Противодействие семьи. Тео убеждает Винсента оставить Син. Рисунки, успехи в акварели, первые живописные опыты.

- 1883, сентябрь — проводит три месяца в Дренте, рисует и пишет маслом сцены из жизни крестьян.
- 1883, декабрь — 1885, февраль — переезжает в Ньюэнен, куда переведён его отец. Идиллические отношения с Марго Бегеман, семья которой не позволяет ей выйти за него замуж. Она пытается покончить с собой. В течение двух лет пишет около двухсот картин в тёмных, землистых тонах.
- 1884, декабрь — пишет портретные этюды.
- 1885, конец марта — смерть отца. Изгнанный из дома своей сестрой Анной, Винсент поселяется в мастерской и отказывается от своей части наследства. Долгий период нищеты. Первые значительные картины.
- Апрель — май — пишет «Едоков картофеля», главное произведение голландского периода.
- 1885, конец ноября — 1886, конец февраля — Антверпен. Изучает картины Рубенса. Заводит знакомства с художниками, пытается продавать их картины. Поступает в Академию изящных искусств, класс живописи и рисунка. Преподаватели не находят у Винсента таланта. Посещает бордели, заражается сифилисом.
- 1886 — Париж. Винсент живёт у Тео, посещает мастерскую Кормона, там знакомится с Бернаром, Анкетеном, Тулуз-Лотреком, Писсарро, Гийоменом. Открывает для себя импрессионистов и Монтичелли. Уходит из мастерской Кормона. Пишет десятки натюрмортов с букетами цветов, виды Монмартра. Становится завсегдатаем кафе, злоупотребляет алкоголем. Пишет серию автопортретов.
- 1887 — вместе с Бернаром и Синьяком пишет с натуры в Аньере. Связь с Агостиной Сегатори. Участвует в выставках в кафе.
- Ноябрь — декабрь — участвует в выставке на авеню Клиши. Знакомится с Гогеном. Советует Тео покупать его работы.
- 1888, 21 февраля — уезжает в Арль. Из Понт-Авена ему пишет больной и обременённый долгами Гоген, прося похлопотать за него перед братом.
- Март — май — пишет цветущие сады. Снимает Жёлтый дом под жильё и мастерскую. В Париже на выставке «Независимых» выставлены три его картины. Пишет знаменитый «Мост в Ланглуа». Предлагает Гогену приехать в Арль, чтобы создать там Южную мастерскую живописи.
- Лето — Гоген принимает предложение Винсента, но медлит с приездом. Винсент пишет «со скоростью локомотива» («Подсолнухи»). Заводит дружбу с почтовым служащим Руленом, пишет его портрет. Посылает брату 35 своих картин.
- Конец лета — Тео финансирует переезд Гогена в Арль. Начало болезненного преклонения Винсента перед Гогеном.
- 23 октября — 24 декабря — пребывание Гогена в Арле. Живопись и споры. Проявляется несовместимость двух натур. Винсент теряет душевное равновесие и контроль над собой. Споры с Гогеном становятся всё ожесточёнее. Винсент узнаёт о помолвке Тео с Йоханной Бонгер.
- 24 декабря — вечером в состоянии душевного расстройства отрезает себе мочку левого уха. О происшествии извещена полиция. Гоген вызывает из Парижа Тео, но отказывается видеть Винсента, которого помещают в лечебницу.
- Конец декабря — Винсент переживает острый душевный кризис. Тео уезжает в Париж вместе с Гогеном.

1889, январь — апрель — Винсент поправляется, 7 января выходит из лечебницы и снова занимается живописью, но беспокойство его не покидает. Пишет два автопортрета, на которых изображает себя с перевязанным ухом.

Февраль — петиция граждан города мэру с требованием поместить Винсента в больницу, что и было исполнено. Депрессия.

17 апреля — свадьба Тео и Йоханны Бонгер.

8 мая — Винсент просит поместить его в приют для душевнобольных в Сен-Реми. В приюте много пишет, но депрессивное состояние не проходит. После краткой поездки в Арль переживает в июле и августе тяжёлый кризис. Попытки самоубийства путём отравления красками. Выходит из кризиса и возвращается к живописи. Приглашён к участию в экспозиции «Группы двадцати» в Брюсселе, посылает на выставку шесть картин. Тяжело раскаивается в своей непокорности по отношению к отцу. Новый кризис под Рождество. План переехать в Овер-сюр-Уаз под наблюдение доктора Гаше. 31 декабря Йоханна родила мальчика, которого назвали Винсентом в честь дяди.

1890, январь — апрель — статья Альбера Орье о Ван Гогге получает большой резонанс. Продана картина Винсента «Красные виноградники». Посвящает племяннику картину «Цветущие ветки миндаля». Короткий кризис. Винсент снова возвращается к живописи.

Февраль — едет в Арль и пропадает на два дня. Кризис, продолжающийся два месяца.

Март — успех на выставке Салона Независимых в Париже. Гоген отправляет Винсенту письмо, в котором признаёт его равным себе. Выйдя из кризиса, Винсент быстро выздоравливает и намерен покинуть Сен-Реми. Доктор Пейрон считает его излечившимся.

17 мая — приезжает к Тео в Париж, где проводит несколько дней, встречаясь с друзьями.

Май — июнь — переезжает в Овер-сюр-Уаз под наблюдение доктора Гаше. Поселяется в гостинице Раву. Много пишет. Доктор Гаше считает его излечившимся. В Овере пишет более восьмидесяти картин.

30 июня — получает письмо от Тео, который сообщает ему о своих финансовых затруднениях.

Июль — потрясённый известием от брата, приезжает к нему в Париж. Находится в состоянии депрессии. Семья Тео уезжает на лето в Голландию. Винсент ссорится с доктором Гаше. Пишет несколько холстов. Приобретает револьвер.

27 июля — выходит из гостиницы писать на природе и стреляет себе в грудь. Тео срочно приезжает к нему в Овер.

28 июля — Тео весь день проводит с раненым братом.

29 июля — Винсент Ван Гог скончался в половине второго ночи.

30 июля — похоронен на кладбище в Овере в присутствии друзей, приехавших из Парижа отдать ему последний долг.

1891, январь — Тео в отчаянии. После конфликта с владельцами фирмы теряет рассудок. Острые кризисы. Госпитализирован в Париже, затем в Утрехте. Скончался в конце января 1891 года.

ЛИТЕРАТУРА

- Artaud A.* Van Gogh le suicidé de la société. Paris: Gallimard, 1990.
- Aurier A.* Textes critiques. Paris: École nationale supérieure des Beaux-Arts, 1995.
- Bacou R.* Millet. Dessins, Paris: Bibliothèque des Arts, 1975.
- Bernard É.* Lettres de Vincent Van Gogh à Émile Bernard. Paris: A. Volland, 1911.
- Bonafoux P.* Les Peintres et l'autoportrait. Skira, Genève, 1984.
- Bonafoux P.* Van Gogh, le soleil en face. Paris: Gallimard, 1987.
- Bonafoux P.* Van Gogh par Vincent. Paris: Denoël, 1986.
- Boulon J.-M.* Vincent Van Gogh à Saint-Paul-de-Mausole. Saint-Rémy-de-Provence: Association Valetudo, 2006.
- Cachin F.* Gauguin. Paris: Flammarion, 1988.
- Cachin F.* Gauguin: Ce malgré moi de sauvage... Paris: Gallimard, 1989.
- Chevreul E.* De la loi du contraste simultané des couleurs. Paris: Pitois-Levrault, 1839; Paris: Laget, 1969.
- Coquirot G.* Vincent Van Gogh. Paris: Ollendorff, 1923.
- Druick D. et Zegers P.* Van Gogh et Gauguin. L'atelier du Midi. Paris: Gallimard, 2002.
- Forrester V.* Van Gogh ou l'Enterrement dans les blés. Paris: Le Seuil, 1983; rééd., 1992.
- Gauguin P.* Avant et après. Paris: La Table Ronde, 1994; Papeete, 2003.
- Gauguin P.* Correspondance: 1873—1888. Éd. V. Merlhes. Paris: Fondation Singer-Polignac, 1984.
- Gauguin P.* Lettres de Paule Gauguin à Émile Bernard. Genève: P. Cailler, 1954.
- Gauguin P.* Lettres à sa femme et à ses amis. Paris: Grasset, 2003.
- Hulsker J.* The New Complete Van Gogh. Paintings, Drawings, Sketches, Amsterdam, J. M. Meulenhoff, 1996.
- Lepoittevin L.* Jean-François Millet (Au-delà de l'Angélu). Paris: Jean-Pierre de Monza, 2002.
- Mauron C.* Van Gogh: Études psychocritiques. Paris: José Corti, 1976.
- Maus M. O.* Trente années de lutte pour l'art: les XX. La Libre Esthétique, 1884—1914; Bruxelles: Leber Hossmann, 1926.
- Merlhes V.* Paul Gauguin et Vincent Van Gogh. Tahiti: Taravao, 1989.
- Nagera H.* Vincent Van Gogh. Paris: Buchet-Chastel, 1968.
- Pickvance R.* Van Gogh en Arles. Genève: Skira, 1985.
- Rewald J.* Histoire de l'impressionnisme. Paris: Albin Michel, 1955; rééd. 1986.
- Rewald J.* Le Post-impressionnisme. Paris: Albin Michel, 1961; rééd. Paris: Hachettes Littératures, 2004.
- Schapiro M.* Vincent Van Gogh. Trad. de l'anglais par Marie-Paule Leymarie. Paris: Nouvelles Éditions françaises, 1961.
- Stolwuk C., Van Heugten S., Jansen L. et Bluhm A.* Le Choix de Vincent. Le musée imaginaire de Van Gogh. Paris: Éd. de La Martinière, 2003. Amsterdam, Van Gogh Museum, 2003.
- Sweetman D.* Une vie de Vincent Van Gogh. Paris: Presses de la Renaissance, 1990.
- Tralbaut M. E.* Van Gogh, le mal-aimé. Lausanne: Edita, 1969.
- Van Gogh V.* Correspondance générale, trad. du néerlandais et de l'anglais par Maurice Beerblock et Louis Roëlandt. Paris: Gallimard, 1990. 3 vol.
- Van Gogh V.* Lettres à son frère Théo (extraits par Georges Philippart en 1937). Paris: Grasset, 1990; rééd. 2002.
- Wildenstein D.* Gauguin: premier itinéraire d'un sauvage /Catalogue de l'oeuvre peint (1873—1888). Milan: Skira, 2001. 2 vol. /Paris: Wildenstein Institute, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Наталья Семёнова</i>	5
От переводчика	11
Немой укор могилы?	17
Предки	19
Одинокий и нелюдимый путник	22
«Всем чужой...»	27
Торговец произведениями искусства	30
Первая любовь	39
Революция импрессионистов	48
Разрывы	52
Невероятное забвение	55
Дордрехт, или Золото Кёйпа	60
Амстердам	62
Отгепель в Боринаже	68
Любовь Тео	81
Безумная любовь и живопись	87
Гаага: «В поте лица твоего...»	93
Дренте	113
Ньюэнен: Библия и «Радость жизни»	118
Антверпен: красная лента Рубенса	137
Париж: автопортреты и «приятели»	146
Арль: взлёт Икара	172
Котёл и Горшок	195
Человек с отрезанным ухом	229
Сен-Реми	243
Овер-сюр-Уаз	267
Тео	279
Краткое послесловие	285
Примечания	288
Основные даты жизни и творчества Винсента Ван Гога	299
Литература	302